

...Итак, мы в Майами. Надо пере-строиться и стать жительницей этого штата, хоть и на пару недель, пока снова не уедем на лето в штат Мэн. Когда мы в марте поехали отметить мой день рождения в Майами Бич, город меня приятно поразил. Люди там весёлые, улыбаются, на соседнем острове, в Санни-Айлз, есть магазины с традиционной русской едой (пельмени, вареники, сырники, пироги, супы, запеканка, котлеты, крошка, салаты, солёные огурцы, чёрный хлеб, селёдка и палтус), а также — русскоязычное агентство помощи пожилым на дому, что крайне важно для меня и мамы.

Но в нашей довольно хорошей, недорогой гостинице мы сильно выделялись на фоне красивых загорелых юношей и девушек, которые приехали сюда на студенческие каникулы в середине марта. А также на фоне нескольких семей с детьми школьного возраста, тоже приехавших на каникулы. И не только мама в её 86, но и мы с мужем — на по-

коление моложе — никак не могли вписаться в общий фон. И пляжная обувь, и лёгкое пляжное пончо, и белая шляпка из магазина на углу — не помогали. Выдавали не только усталые глаза (мама будит меня по ночам), но и походка, даже издали шаткая от длительного толкания инвалидного кресла мамы.

Грустно, конечно, но мне всё же удалось разок прокатиться на велосипеде, хоть и всего полчаса. В 64-й день рождения в начале марта я медленно проехала пару километров вдоль океана. Бриз обвевал приятно тело, а взятый напрокат велосипед ехал медленно и поскрипывал. Но я воспряла духом от того, что у меня появилась надежда вновь обрести хорошую физическую форму, какая была у меня всю жизнь.

Итак, решено. Каждый день мы с мужем, мамой и молодым энергичным риелтором Славой принялись посещать относительно дешёвые дома и квартиры и в течение недели сделали выбор. Это была изящная

маленькая квартира в Майами Бич. И вот мы туда переехали в начале апреля.

**Во дворе дома в Майами-Бич.
Елена в бассейне**

К счастью, эта квартира оказалась совсем недалеко от доступных магазинов Mashall's и Forever 21. И именно в них я и отправилась вскоре после переезда, поймав на себе удивлённые взгляды майамцев и туристов, когда я шла в длинной и тёмной одежде не по погоде. (Платья макси здесь тоже носят, но это в основном вечерние платья, а вот модные лёгкие и светлые шёлковые миди платья носят в любое время суток). Всё это я поняла, гуляя с мамой по пешеходной Линкольн стрит до дорожки вдоль пляжа.

Дело в том, что почти все женщины в Майами, причём любого возраста, мило одеты, в основном в

яркие короткие платья или в шорты. Вот я и купила себе и маме и платья покороче, и шорты из хлопка. А потом я — впервые за многие годы — купила себе и помаду для губ, и разные кремы для лица. Do in Roman like Romans do! То есть веди себя в Риме, как ведут себя римляне, или в Майами, как его жители. «Масла в огонь» подлила худая голубоглазая шведка из нашего дома, неопределённого возраста, то есть от сорока пяти до шестидесяти пяти, с пучком платиновых волос на голове. И в бассейне под окнами плавает, и со мной и мужем поговорить любит, и в прекрасной спортивной форме. Как выяснилось, она, Мадлен, была инструктором по йоге и переводчицей с пяти языков, но вот уже двадцать лет обитает тут с мужем англичанином. А наверху над нами — ещё более очаровательная молодая немка с волосами до плеч, похожая на модель с плаката Лихтенштейна, по имени Натали. (Муж шутит: кажется, в нашем многоквартирном доме он единственный американец). Короче, мне стало «за державу обидно», и я решила одеться помоднее, чтобы быть не хуже разных там шведок и немок. (Кажется, я перестаралась, потому что наш сосед по дому, грузный мужчина лет пятидесяти, с чрезмерным интересом окинул меня взглядом с головы до ног.)

Но для вечерних прогулок по городу с мамой и мужем я была в самый раз и больше сильно не выделялась из толпы. Это на улицах. А на дорожке вдоль океана совсем другая толпа. Кто-то — в модельных туф-

лях и кружевном платье, кто-то — в купальниках, но в основном — в шортах, на велосипедах, с ветерком пролетают мимо нас, с трудом толкающих инвалидное кресло. (Оставить маму дома одну никак нельзя. Может упасть, так как ходит с ходунками, но обожает, когда её катают. А нам без прогулок тоже плохо).

Да, это обидно, ведь я так долго была частью толпы на велосипедах, то есть уже больше 20 лет, с тех пор как мы переехали из Москвы в Лондон в конце девяностых. И мне тоже хотелось бы кататься, легко и непринуждённо держась за руль. Однако я, скорее, в роли лошади. Ну ничего, хотя бы одним воздухом я могла дышать с праздничной толпой. И тут мы полетели на десять дней в Нью-Йорк. Мне снова пришлось вписываться: и одеться в более длинные и тёмные вещи, и говорить потише, и вести себя по-другому, и возвращаться с прогулок к девяти. А ведь скоро мы в Новую Англию на лето собираемся, там вообще — ни звука на улицах после восьми вечера, нет почти никого. Все дома сидят, видимо, ведь почти все рестораны и магазины закрываются в девять. На набережной — тоже довольно мало людей, и те в основном пришли выгуливать собак. Ну как такое пережить после Майами-Бич? Буду читать по вечерам или играть с мужем в шашки или шахматы. Я обожаю настольные игры, но играть не с кем, если только не приедут в гости наши внуки и дети. Короче, я поняла, как сильно влияет на нас город, в котором мы живём. И вместе с одеждой и

стилем жизни вся наша личность на время становится немного другой, как хамелеон, в зависимости от местонахождения.

...Вот, наконец, дошли у меня руки написать о нашем путешествии длиной в 2800 км из Майами-Бич в старинный городок на севере Америки — Бангор. То есть мы пересекли Америку вдоль восточного побережья почти полностью, за исключением самого южного городка Ки-Уэст и самого северного туристического городка в часе езды от Бангора Бар Харбор.

Уезжать из Майами Бич мне не хотелось, понравилось жить в доме с соседями (это не так одиноко), с прелестным бассейном под окнами, с пешеходной улицей в пяти минутах ходьбы. И гулять по вечерам на набережных мне нравилось. И дневную жару я выносила хорошо, в отличие от моего мужа, который пьёт много кофе.

Но тут выяснилось, что в Нью-Йорк возвращается из Сингапура наш сын Дэнни и что нас пригласили на первый его день рождения к сынишке друга нашего сына Серёжи, Виктора, которого мы тоже давно не видели. И мы пустились в путь.

Вначале поехали до Орlando на своей старой машине, потом пересели на единственный в стране автопоезд, куда можно загрузить машину в соседний товарный вагон, и доехали до пригорода Вашингтона в Вирджинии. И, взяв машину, минут за сорок добрались до Сильвер-Спринг. Мы побывали в гостях у сестры мужа Джулиэт, остановились

переночевать в гостинице и поехали в пригород Нью-Йорка Хобокен. Именно там и должен был состояться этот день рождения.

Ах, какой чудесный это был праздник! Мы застали почти всех, хотя и опоздали почти на два часа из-за ужасной пробки, связанной с дорожным происшествием на трассе. Мы увидели издали, на самом краю пирса, Виктора в белой рубашке навывпуск и с волосами до плеч, на прямой пробор, каким нарисовал себя Дюрер. Рядом бегали малыши и стояло ещё несколько человек, в одном из которых я узнала нашего сына Серёжу.

Елена Меллоу с мужем Крейгом

Он стоял как пингвин и держал на груди вертикальный чёрный рюкзак с двухмесячной дочкой. Крошечная девочка, видимо, спала. Наша невестка Сассори, тоже в белом, бегала

по зелёной траве за нашим шустрым внуком Александром двух с половиной лет. Её родители из Нигерии, и наш внук, кажется, унаследовал африканский темперамент, помимо темперамента моего отца, выросшего в казацкой станице на Урале.

Ещё одним гостем был ветер с Гудзона, приятный на закате. Вдруг появилась девочка лет четырёх, в ореоле светлых волос, в белом платьице, похожая на принцессу. Она шла в сопровождении красивой молодой женщины в короткой юбке, с длинными тёмными волосами до плеч. Я не сразу узнала в них двухлетнюю Сонечку, дочку Виктора, и Аню, её маму, так они обе изменились.

Сынишка Виктора, именинник Иван, годовалый блондин в белой рубашке с чёрной бабочкой, топтался около столика с угощением. Обернувшись, я увидела свою дочку Диану, а рядом с ней — коротко стриженного высокого и спортивного молодого человека. Это был наш сын Дэнни 27 лет, которого я не видела больше полутора лет. А дальше — пара часов совершенно пронзительного счастья, не менее пронзительного, чем ветер с Гудзона. Мы говорили и не могли наговориться. Вечером мы все разъехались в разные стороны, но слава Богу, что эта встреча состоялась.

Мы проводили дочку до машины, она поехала в Бруклин, где снимает квартиру с другими девушками, сына — до остановки поезда в Манхэттен, где он остановился, а сами отправились в гостиницу в Джерси-Сити. Она оказалась неплохой, с

Дом в Майами-Бич

видом на Гудзон с последнего этажа, где было шумновато от подготовки к какому-то торжеству. И мы отправились дальше, для начала — к моему дантисту в Бруклин. После чего посидели в кафе «Вареники» на Брайтоне с моим старшим сыном Николаем и вновь пустились в путь. Путь этот был — 800 км.

По дороге из Нью-Йорка в Бангор мы проезжали столицу Коннектикута Хартфорд. Я предварительно не заглянула в интернет и ничего не прочла о его достопримечательностях, так как до последней минуты не знала, где мы остановимся на ночлег: муж обычно ведёт машину, пока не устанет, и только потом ищет гостиницу. Поэтому, когда в поисках завтрака мы пошли прогуляться по городу и забрели во двор старой мэрии, где местные фермеры продава-

ли малину, а женщина-волонтер за столиком раздавала буклеты и отвечала на вопросы туристов, для меня стало приятной неожиданностью сообщение о домах-музеях писателя Марка Твена и его современницы Гарриэт Бичер Стоу. Вернее, дом писательницы назывался Историческим домом-музеем, а в нём и располагался центр Гарриэт Бичер Стоу.

Тут я, конечно, стала просить мужа отвезти нас в оба музея. Ведь ещё в детстве я видела фильм «Хижина дяди Тома», который мне очень понравился. А моя бабушка читала мне книжку про Тома Сойера вслух ещё до того, как я научилась читать, и мне особенно запомнились скитания Тома по пещере вместе с Бекки. Но муж отказался идти в музей Бичер Стоу, сказав, что её роман «Хижина дяди Тома» не представляет особой литературной ценности, а в большей мере имеет ценность историческую. Он сказал, что книга даже не является частью программы по литературе ни в школе, ни в колледже, то есть в Принстонском университете, который он закончил. Она была важна больше в политическом отношении, для борьбы с рабством. К тому же в современном понимании образ главного героя может показаться унижительным для афроамериканцев, добавил он. Ведь выражение «дядя Том» вошло в английский язык и стало нарицательным для описания темнокожего, который слишком старается угодить белым. А вот музей Марка Твена — ему очень интересен.

Я была с ним не согласна. Роман

«Хижина дяди Том» раскупили в первые три месяца после его издания в количестве 300 000 экземпляров и он до сих пор представлен на сайте Amazon.com как один из ста лучших романов мира всех времён. (Кстати, сегодня я ещё раз посмотрела снятый по нему в 1987 году американский фильм и опять поразила сложности интереснейшего сюжета, который «слезу прошибает» и является почти памфлетом против рабства). И недаром Абрахам Линкольн назвал Гарриет Бичер Стоу «той маленькой женщиной, которая сделала большую войну», ведь именно она благодаря огромной популярности своей книги смогла подготовить почву для борьбы за отмену рабства и произвола белых рабовладельцев.

Так или иначе, когда-то эти двое писателей были соседями, а именно — с 1874 по 1891, на протяжении пятнадцати лет, и мы отправились посмотреть их музеи. (Гарриэт с мужем купили дом и переехали туда с детьми, а семья Твена купила только

землю, и дом строился под их наблюдением). Подъехав к фасаду внушительного на вид здания, я увидела высокого темнокожего мужчину, стоящего напротив и фотографирующего этот музей. (Потом я поняла, что, по странному совпадению, мы приехали в 210-й день рождения писательницы, а именно — 14 июня 2021 года). Гарриэт жила здесь 23 года, начиная с 1873 года, и умерла в 1996 году в окружении своих детей. Как могла дочери священника с севера Америки прийти в голову вся эта замысловатая история, очевидцем которой она быть не могла? — думала я. Впрочем, я узнала, что с 1832 по 1850 годы она жила в Цинциннати, на границе с рабовладельческим штатом Кентукки, и могла видеть или даже укрывать беглых рабов. Но её задача по созданию «Хижины дяди Тома» была гораздо сложнее, чем у её соседа, Марка Твена, который вырос на реке Миссисипи и, наверное, в «Приключениях Тома Сойера» просто описал своих друзей детства и реальные события, немного их приукрасив.

Но дом-музей, в котором Марк Твен (Сэмюэл Клеменс) жил с 1874 по 1891, был закрыт в тот понедельник, и мы полюбовались лишь снаружи красивым викторианским особняком в стиле возрождённой готики. В нём Марк Твен написал и «Приключения Тома Сойера», и многое другое. Он жил там с женой Оливией и четырьмя детьми, трое из которых, к сожалению, умерли, с 1874 по 1891 годы, и супруги после возвращения из Европы не хотели больше

Дом-музей Бичер Стоу в Хартфорте

находиться в этом роскошном доме с зимним садом и библиотекой, с которым было связано столько воспоминаний.

Дом-музей Марка Твена в Хартфорте

Мы уже собрались уезжать, как муж не выдержал, вернулся, припарковав машину на соседней улице, и пошёл ходить кругами вокруг дома этого известного на весь мир писателя. Я не пошла вслед за ним, осталась в машине с уснувшей по дороге мамой. Я не хотела мешать ему. Ведь он тоже пишет, пусть не романы, а статьи, и ему было важно побыть одному там, где, возможно, ещё витал дух этого гения.

Несколько дней спустя мы поговорили с ним об увиденном.

— Что приходит тебе на ум, когда ты думаешь о Марке Твене, его доме и творчестве? — спросила я.

Крейг ответил, что его новаторство в описании событий языком человека из американской глубинки, ребёнка или даже простого беглого раба (за что, между прочим, в наше время книгу «Приключения Гекльберри Финна» даже исключили из школьной программы и изъяли из

библиотек некоторых американских школ — мол, неправильно и предвзято описан темнокожий персонаж).

А мне сразу пришло на ум высказывание Марка Твена после того, как в газете по ошибке упомянули его имя в некрологе: «Слухи о моей смерти явно преувеличены». И, наверное, так оно и есть до сих пор, потому что этот писатель, хоть и проживший всего 74 года, уже давно стал бессмертным, как и его главный персонаж — Том Сойер.

Итак, вот уже две недели мы в штате Мэн, в старинном городке Бангор. В нём всего 30 тысяч жителей — против трёх миллионов в Майами. Да, вот уже второй год мы летом живём в штате Мэн. Я рада, что в жару нам не приходится больше скитаться по гостиницам, даже хорошим, с бесплатными концертными выступлениями в фойе через день, что мы наконец нашли то, что искали — всего за \$207 тысяч, — красивый дом с маленькой башней в старом, времён американской войны за независимость городке Бангор.

Этот город находится на территории так называемой Новой Англи. Река Пенобскот была глубокой от моря до Бангора, и он стал портовым городом, оживлённым с мая по октябрь, когда можно было сплавлять лес. Именно сюда приплыли 30 американских военных кораблей в 1770-х годах, отступая от преследования британских военных кораблей, с мастером серебряных дел, американским патриотом Полом Ревиром на борту. Американцы сами

их потопили, чтобы корабли не достались врагу, и они так и лежат на дне реки. И, хотя Пола Ревира вначале отдали под трибунал, его оправдали, и он стал национальным героем после публикации поэмы Лонгфелло, которую учит наизусть каждый американский школьник: «Listen, my children, and you will hear of the midnight ride of Paul Revere». («Слушайте, дети, и вы услышите, как в полночь скакал Пол Ревир», лет десять назад я перевела эту поэму сама).

**Сын Дэнни и дочь Диана
на прогулке в Бангоре**

А полтора столетия спустя пожар 1911 года уничтожил около 200 домов, 9 церквей, школу, офисы, и жизнь в Бангоре затихла ещё на столетие. Городок постепенно отстроился, стал более каменным в центре, но менее живописным.

Прошлая осень тут была кристально чистая, как в стихах Тютче-

ва, а весь ноябрь как из ведра лил дождь. В декабре шёл снег, и мы топтали камин. В день православного Рождества мы уехали из Бангора, и наш дом пустовал до середины июня, пока мы жили в Саванне, а потом в Майами-Бич, где мне понравилось жить больше, и мы купили там квартиру в белом доме под пальмами.

Ещё бы, из Новой Англии попасть сразу в бывшую Испанию — или, скорее, Новую Кубу, так много там кубинских эмигрантов! Там так весело и тепло круглые сутки, круглый год. А тут грусть меня берёт в сумерках, как это со мной бывает в сельской местности, хотя и фонари есть, и наш дом стоит на одной из главных улиц. И машины слышно и видно, особенно в час пик. И клевер хорошо пахнет в Чепин-Парк и других парках неподалёку. Но вот людей мало видно, разве что с собаками. Ах, как я скучаю по чудесному городу-пляжу, где коллективная радость попавших сюда жителей и туристов просто разлита в воздухе, смех и музыка день и ночь, по Майами-Бич!

Постскриптум

Я, Елена Меллоу, по образованию учитель английского и французского языков, уже 17 лет живу в Америке, выйдя замуж за журналиста Крейга Меллоу. У нас четверо детей: сын Дэнни 27 лет, он стал экономистом, закончив Тьюлэйн и Бритиш Колумбия университеты, живёт в Нью-Йорке. Дочь Диана — ей 24 года, дизайнер по интерьеру, закончила университет в Северной Каролине и

школу Персона, сейчас живёт в Бруклине. Старшие сыновья — Николай Машков и Сергей Меллоу — тоже в Америке. Николаю 44 года — нашёл себя как риелтор, агент по недвижимости, хотя в Москве окончил университет ещё в 2002 году. В 2006 году перебрался в США. Сергею 30 лет, окончил университет в Буффало — компьютерный инженер, сейчас работает в компании по обеспечению компьютерных программ для полиции и скорой помощи. Живёт с семьёй в Нью-Йорке. Он женат на Эгхо Сассори. Двое детей. Сын Александр и дочь Ева, ей всего три месяца.

Виктор — его друг. Он несколько лет назад приехал из Москвы в Нью-Йорк на летние заработки. Устроился помощником официанта, а когда стал помощником ювелира, научился обрабатывать драгоценные камни и кольца — решил остаться. Первые два года он снимал у нас комнату. Теперь имеет своё дело. Вполне обеспечен.

Моя мама — Аэлита Романовна Романенко — кандидат филологических наук. В Москве она долгие годы работала в «Учительской газе-

Елена в Майами Бич у океана

те», заведовала отделом искусства и литературы, а потом — научным сотрудником в Институте киноискусства. Много печаталась. Сочиняет рассказы. Они изданы в США. С 2014 года она живёт с нами, и мы путешествуем вместе. Сейчас она не очень здорова, но держится молодцом. Мы переписываемся с её подругой Л.С. Кудрявцевой. В данный момент мы путешествуем. Ездим вдоль Атлантического океана и останавливаемся в городах штата Мэн.

*Авторы фото —
Елена и Крейг Меллоу*